

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

(Москва, 26 февраля 2003 г.)

Дорогие друзья!

Мне хотелось бы осветить в этом выступлении три группы проблем: восстановительный рост и ключевые альтернативы текущей экономической политики; долгосрочные тенденции и перспективы экономического роста в России; ключевые структурные реформы, которые необходимо провести, чтобы адаптировать Россию к вызовам постиндустриального развития.

Газета «Известия» опубликовала мою статью, посвященную этой теме. Постараюсь не повторять то, что в ней написано, а сконцентрируюсь на вопросах, которые в газетной статье не освещались.

О восстановительном росте

Нынешний экономический рост в России носит восстановительный характер. Он тесно связан с предшествующей рецессией, падением производства после краха Советского Союза. Падение было обусловлено, в свою очередь, структурной перестройкой экономики и кризисом старой системы хозяйственных связей, тогда как их новая система еще не сформировалась. Этот кризис был в основном преодолен к 1997 году. В дальнейшем

развитию восстановительных процессов помешал финансовый кризис 1997–1998 годов. Эти процессы были продолжены с 1999 года.

Восстановительный рост – известный, но достаточно необычный, не очень хорошо изученный феномен; в каждой из стран, которые через него проходят, его отличает своя специфика. Это отчетливо проявилось в 20-х годах, когда восстановительный рост был зафиксирован в России впервые и были предприняты первые попытки его анализа. Тогда высококвалифицированные экономисты В.Громан и В.Базаров сделали, по меньшей мере, две серьезные ошибки, повлекшие за собой существенные экономические последствия.

Во-первых, они недооценили то, что в условиях снятых спросовых ограничений, при социалистической экономической системе, объем производства восстанавливается в 20-х годах XX века на уровне более высоком, чем в 1913 году в царской России, где существовали ограничения, связанные с платежеспособным спросом. Во-вторых, они переоценили возможности наращивания доли денег в валовом внутреннем продукте, что привело к серьезным просчетам в финансовой политике.

И сейчас мы тоже не очень ясно представляем себе, как будут дальше развиваться в нашей стране процессы восстановительного роста. Есть основания полагать, что пределы его будут исчерпаны при объемах выпуска более низких, чем те, которые были характерны для российского ВВП в период максимального его уровня при социалистическом производстве. Но это гипотеза. А вот что известно точно – то, что восстановительный рост носит затухающий характер. Это значит, что темпы роста снижаются, потому что ресурсы восстановления, ресурсы введения имеющихся мощностей и рабочей силы оказываются исчерпанными. Разумеется, когда темпы роста идут

вниз, затухание может быть компенсировано новыми факторами роста производства, новыми капитальными вложениями, вводом новых мощностей, включением в производственный процесс новой рабочей силы. Но это требует другого качества национальных институтов, способных обеспечить экономическое развитие.

Восстановительный рост поначалу всегда становится приятным сюрпризом для экономико-политической элиты. А потом он превращается в проблему: ведь темпы не удерживаются на изначальном уровне, они начинают падать. Снижение темпов экономического роста между 2000–2003 годами – существенный фактор, влияющий на формирование экономической политики.

Важной задачей, которую решало правительство на протяжении последних лет, было проведение набора структурных реформ, необходимых, чтобы придать росту характер устойчивый и долгосрочный.

Собственно, глубокие структурные реформы наше правительство начало проводить в 1992 году. Но тогда большая часть экономико-политической элиты не знала о том, что эти реформы – структурные, точно так же, как мольеровский герой не знал, что он говорит прозой. Однако спустя короткое время, уже в 1997 году, словосочетание «структурные реформы» звучит часто, термин становится популярным, если хотите – модным. Первый заместитель управляющего директора МВФ С.Фишер, приехавший в ту пору на научную конференцию в Высшей школе экономики, был приятно удивлен тем, что все в России говорят о структурных реформах, все понимают их необходимость для устойчивого экономического роста.

Наиболее энергично претворять в жизнь эти реформы начали в 2000–2001 годах. По ряду важных направлений за эти годы было сделано много полезного. Политические проблемы, связанные со

структурными реформами, состоят в том, что последние не дают отдачу в краткосрочной перспективе, они «всего лишь» закладывают базу долгосрочного экономического роста.

В России за последние годы внесены позитивные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Благодаря им сегодня десятки тысяч людей, которые не были осуждены судом, не сидят в тюрьмах. В то же время наша судебная система по-прежнему имеет немало изъянов. И что бы мы сейчас ни делали, проблемы, связанные с ее функционированием, будут оставаться серьезными и острыми и завтра, и послезавтра. Ибо судебная система – это, в первую очередь, кадры и традиции, а радикально изменить их в один момент – скажем, в ночь с сегодняшнего дня на завтрашний – нельзя.

Шаги, сделанные в последние годы для упорядочения частной собственности на землю, крайне важны. Можно спорить, насколько хорош или плох конкретный вариант вступившего в силу закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Но то, что в России частный оборот земли упорядочен и закреплён, справедливо расценивается как важный фактор, способствующий долгосрочному росту российской экономики. Вместе с тем это, по сути, легализация того, что происходило в жизни. А сама по себе легализация не обеспечивает немедленной отдачи.

То же относится ко многим другим мероприятиям – реформе трудовых отношений, пенсионной реформе. Изменения, которые дают отдачу в короткой перспективе (как, скажем, реформа подоходного налога) – редкое исключение.

Сегодня никуда не деться от реалий политического процесса. А выглядят эти реалии в глазах значительной части элиты и населения примерно следующим образом: правительство втянулось в проведение структурных реформ. Между тем жизнь радикально не

улучшается, проблем в российской экономике остается множество. Непросто объяснить: чтобы заложить основы устойчивого роста, нужны преобразования не одиночные, а взаимодополняющие. Если в России будет хорошая налоговая система, но не будет надежно защищенных прав собственности, мы не получим масштабных капитальных вложений, необходимых для устойчивого роста.

Еще одна важная составляющая текущей экономической политики – высокие цены на нефть. Российское правительство четыре года в условиях высоких цен проводило достаточно консервативную и ответственную макроэкономическую политику. Это не может не вызвать уважения. Предшествующий нынешнему период аномально высоких цен на нефть (это 1979–1982 годы, тогда цены на нефть в реальном исчислении были примерно втрое выше, чем в 1999–2002 годах) был отмечен «разжижением мозгов» политического руководства – настолько серьезным, что мы умудрились ввязаться в войну в Афганистане.

Сейчас помог урок кризиса 1998 года. У нашей страны была плохая финансовая репутация, а предстояли платежи по внешнему долгу, рефинансировать их было сложно, – все это дало четыре года ответственной бюджетной политики. К сожалению, способность правительства проводить ответственную макроэкономическую политику при высоких ценах на нефть ограничена.

На ухудшении качества экономической политики сказывается и близость выборов, что нам предстоит. Итак: структурные реформы идут медленно и не приносят чудес; цены на нефть высокие; выборы приближаются. В такой ситуации растет спрос на популярные решения, чувствуется острая потребность в том, что дает быструю отдачу, «обещает прорыв».

Многие читали материал группы журналистов, получивший название «Серафимовское воззвание». Оно хорошо накладывается на атмосферу усталости от структурных реформ и жажды популярных решений. Документ написан в стилистике, которой император Наполеон советовал руководствоваться авторам его Конституции: «Пишите коротко и неясно». Понять, что нам предлагается конкретно сделать, из текста воззвания трудно. Из выступлений отдельных авторов «Серафимовского воззвания» легче оценить, что они имеют в виду. Один из группы «серафимов» предлагает не вдаваться в скучные дискуссии о снижении единого социального налога на несколько процентных пунктов, а снизить его втрое. Чтобы обсуждать подобное мероприятие всерьез, надо ответить на несколько простых вопросов. Считают ли авторы, что снижение ставки налога втрое приведет к трехкратному росту его собираемости? Предполагается ли, что это произойдет сразу? Если предполагается, то исходя из какого набора аргументов и рассуждений? Если же мгновенного трехкратного роста собираемости не случится, то предполагается ли снизить среднюю пенсию в три раза или увеличить пенсионный возраст до 72 лет? Или есть надежда изыскать иные источники финансирования выпадающих примерно 500 миллиардов рублей годовых доходов? Серьезный разговор можно вести при наличии достаточно убедительных ответов на такие вопросы.

Далее. Мы получаем сегодня своего рода военную премию – дополнительный доход от аномально высоких цен на нефть, обусловленную ожиданием войны на Ближнем Востоке. То, что по завершении военной операции – а война представляется вероятной – нынешних дивидендов не будет, догадаться нетрудно. Вопрос в том, когда это произойдет, – через девять ли месяцев, двенадцать или пятнадцать. Мы обсуждаем экономическую политику на 2004–2005

годы и должны учитывать серьезные риски, связанные с резкими колебаниями цен на нефть, иметь в виду то, что наша страна может столкнуться с продолжительным периодом существенно более низких цен, чем те, которые были характерны для последних четырех лет. И именно в это время нам предлагают в качестве «прорыва» масштабные экономические эксперименты. Хочу надеяться, что новых авантур удастся избежать. В прошлом веке нашей стране и без того досталось немало.

Советовал бы горячим поборникам подобных экспериментов перечитать экономическую прессу недавних десятилетий. Например, материалы экономико-политических дебатов начала 70-х годов в Чили, когда будущие сотрудники правительства С.Альенде говорили о необходимости амбициозных планов, о целесообразности отказа от догм экономической ортодоксии. К тому же призывали многие участники экономических дебатов 1973 года в Аргентине, в канун экспериментов с экономикой популизма. К сожалению, опыт показывает, что наступать на одни и те же грабли много раз политики умеют.

Нам нужны не авантюры, а продолжение ответственной макроэкономической политики и структурных реформ. Нужно избежать паники из-за краткосрочных колебаний темпов роста, в максимальной степени подготовиться к использованию того окна политических возможностей, которое откроется в России весной – летом 2004 года.

О современном экономическом росте и догоняющем развитии

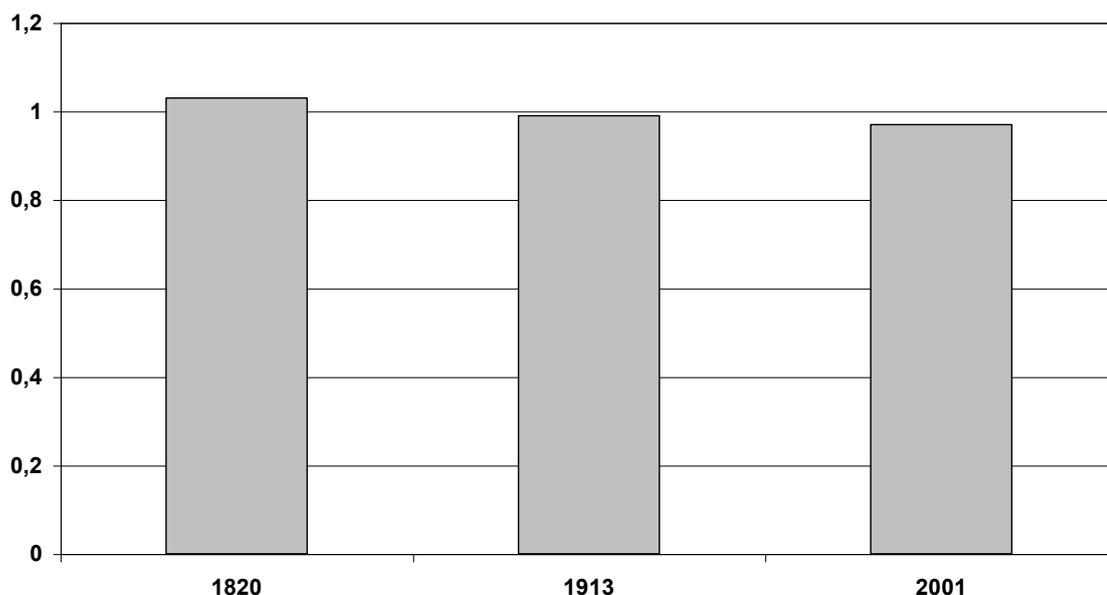
В дискуссиях, которые ведутся по поводу долгосрочного экономического роста, нередко обсуждается ставшая злободневной

тема: при каких его темпах и в какие сроки Россия сумеет догнать Португалию? Пытаюсь понять, какое счастье наступит к тому времени, когда мы догоним эту замечательную страну, и что будет происходить потом: оторвавшись, уйдем далеко вперед? отстанем снова? Участникам этой дискуссии могу напомнить, что один раз Португалию по душевому ВВП мы уже догоняли. В самом конце 1930-х годов. Не слышал, чтобы кто-то в нашей стране выиграл в результате сего отрадного факта. В конце 60-х, когда выявились серьезные долгосрочные проблемы, порожденные социалистической моделью индустриализации, мы от Португалии отстали вновь. Продолжалось отставание вплоть до окончания прошлого, XX века. Что, и в наступившем веке нам надо бегать с Португалией наперегонки?

Если всерьез обсуждать проблемы долгосрочных перспектив России, имеет смысл проанализировать то, как страна развивалась не в течение последних трех или десяти лет, а на длительной исторической дистанции, на протяжении последних двух веков. Если мы рассмотрим эволюцию российской экономики на фоне мирового развития последних двух столетий, увидим что российский душевой ВВП в 1820 году был близок к средним мировым показателям и примерно на том же среднемировом уровне (с учетом точности расчетов) оставался и в 1913 году, и в 2001 году (см. *график 1*).

График 1

Отношение душевого ВВП России к мировому душевому ВВП в 1820–2001 годах

Источник: 1. За 1820 и 1913 годы: A.Maddison. The World Economy. A Millennial Perspective. 2. За 2001 год – расчеты ИЭПП на основе данных A.Maddison. 3. Реконструкция данных Мирового банка на период до 1950 года дает сходные результаты в пределах точности расчетов.

Причины выбора этих дат объяснить нетрудно. Большинство исследователей относят начало современного экономического роста – процесса резкого ускорения темпов экономического развития, сопровождаемого масштабными сдвигами в структуре экономики и социальных отношениях, к 20-м годам XIX века. 1913 год – это высшая точка развития России в рамках царской империи. 2001 год – максимально приближенная к сегодняшнему дню дата, по которой имеются данные.

Да, между этими тремя точками российский душевой ВВП отклонялся от среднемирового, но колебания носили достаточно ограниченный характер. Величина дистанции, отделяющей Россию от стран-лидеров мирового экономического развития (в XIX веке – Англия, в XX веке – Соединенные Штаты Америки) в течение этих двух веков тоже колебалась, но колебания происходили опять-таки в достаточно узком интервале (см. *табл. 1*).

Таблица 1

Отношение душевого ВВП в России к душевому ВВП стран-лидеров современного экономического роста.*

Годы	1820	1870	1913	1950	2001
Отношение	0,44	0,32	0,28	0,30	0,25

* - 1820-1870 годы – Англия,

1913-2001 годы – США

Источники:

1. A.Maddison, *Monitoring the World Economy 1820-1992*, OECD 1995 (данные с 1820 по 1950 гг.).

2. *World Development Indicator Database*, World Bank, 2002 (данные за 2001 г.).

Сегодня чрезвычайное внимание приковано к успехам экономического развития Китая, достигнутым за последнюю четверть XX века. При этом нередко забывают, что именно резкое падение доли Китая в мировом валовом внутреннем продукте было одним из самых серьезных структурных сдвигов в мировой экономике между 1820 годом и 70-ми годами XX века. После четверти века динамичного роста доля Китая в мировом валовом внутреннем продукте почти втрое ниже, чем она была в 1820 году.

На этом фоне близость российских показателей к их среднемировым значениям выглядит впечатляюще. Это тем более важно, что на протяжении последних двух веков в мировом экономическом развитии происходили беспрецедентные изменения.

Понятие современного экономического роста ввел в научный оборот замечательный американский экономист русского происхождения, лауреат Нобелевской премии С. Кузнец, относя начало этого процесса к концу XVIII века¹. Сейчас большинство исследователей склоняются к тому, чтобы датировать его начало 20-ми годами XIX века – периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Что действительно важно – это резкое ускорение темпов роста мировой

¹ *Kuznets Simon. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread*-New Haven-London: Yave University Press, 1966.

экономики и душевого ВВП на рубеже XVIII и XIX веков, происходящее на фоне глубоких структурных изменений в занятости, в способе расселения, демографии.

В регионе, который на протяжении предшествующего тысячелетия развивался аномально быстро, – в Западной Европе, на удвоение душевого ВВП в период, предшествующий современному экономическому росту, потребовалось восемь веков (примерно с 1000-го по 1800 год). В Соединенных Штатах Америки, лидере современного экономического роста в XX веке, среднегодовые темпы роста продуктивности на протяжении последних двух веков составляли около 2%. Это означает, что на протяжении жизни одного поколения (75 лет) душевой валовой внутренней продукт увеличивался более чем в 4 раза.

Масштабные и взаимосвязанные структурные изменения происходили в странах с разными культурными традициями, различным уровнем ресурсной обеспеченности, неодинаковым географическим положением. Казалось бы, понимание этих общих, выстроенных по сходным сценариям, связанных с экономическим развитием процессов дает в руки исследователю, занимающемуся долгосрочной динамикой роста, мощный инструмент для анализа и прогнозирования.

Представление о железных законах исторического развития, позволяющих точно предвидеть логику происходящего в мире, стало стержнем марксизма – учения, доминировавшего в анализе долгосрочных перспектив эволюции социально-экономических отношений в конце XIX – начале XX века. Вместе с тем XX век выявил важное свойство современного экономического роста, которое не было осознанно ни К. Марксом, ни марксистами. Ему сопутствуют быстрые и трудно прогнозируемые изменения доминирующих

тенденций в развитии социально-экономических систем и национальных экономик.

История социально-экономической мысли последних двух веков полна великих ошибок мыслителей, пытавшихся экстраполировать замеченные ими современные тенденции на перспективу. Это и Т.Мальтус с прогнозами перенаселения и обнищания, базировавшихся на реальных фактах раннего этапа демографического перехода, связанного с ростом продолжительности жизни, падением смертности, опережающим падение рождаемости. И К.Маркс с его прогнозами абсолютного и относительного обнищания пролетариата, социальной дестабилизации и крушения капитализма, опирающимися на реальные социальные проблемы ранних этапов современного экономического роста. И Й.Шумпетер, предсказавший в своей работе «Капитализм, Социализм и Демократия» угасание предпринимательства, бюрократизацию экономической жизни под влиянием реалий капитализма эпохи конвейерного производства².

До конца XIX века при обсуждении ключевых финансовых проблем доминировало представление о наличии верхних пределов налогообложения. Эта парадигма впервые была поставлена под сомнение в 70-х годах XIX века А. Вагнером, сформулировавшим гипотезу о нарастании, по мере экономического развития, доли перераспределяемых государством доходов в объеме экономической деятельности. Резкое расширение возможностей современного государства на фоне роста благосостояния позволило радикально увеличить долю государственных изъятий в валовом внутреннем продукте в XX веке. Между 1910–1970 годами представление о безграничности возможностей наращивания государственной

² Schumpeter Joseph A. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Harper & Brothers Publishers, 1950.

нагрузки на экономику стало почти общепринятым в финансовой литературе. Те исследователи, которые пытались сформулировать гипотезы о наличии и в условиях индустриального общества верхних пределов налоговой нагрузки, совместимых с экономическим ростом, постоянно терпели интеллектуальные поражения.

Начиная с 70-х годов ситуация радикально меняется. Выясняется, что в наиболее развитых государствах при выходе норм налогообложения на уровень, близкий к 50% ВВП, возникают серьезные проблемы, связанные с политической мобилизацией налогоплательщиков, распространением теневой экономики, замедлением экономического роста, утратой международной конкурентоспособности.

С точки зрения сегодняшнего дня очевидно, что сам процесс выхода норм налоговых изъятий с уровней, характерных для аграрных обществ (примерно 10% ВВП), на уровень, доступный высокоразвитым постиндустриальным экономикам (30–50% ВВП), носил переходный характер. Прогнозировать развитие этого процесса до его завершения было практически невозможно.

У.Черчилль, защищавший золотовалютный стандарт в Великобритании после Первой мировой войны и проводивший дефляционную политику с тем, чтобы восстановить довоенный паритет фунта стерлинга с золотом, опирался на двухвековую практику подобной традиции в своей стране, которая сделала ее мировым экономическим лидером. По существу, Черчилль лишь повторял то, что было сделано после наполеоновских войн. Но в радикально изменившихся условиях он на деле подталкивал мир к одному из самых масштабных кризисов в экономическом развитии прошедшего века, к Великой депрессии. Золотовалютный стандарт, сыгравший роль важного инструмента запуска современного

экономического роста, оказался несовместимым со следующими стадиями этого роста.

То, что современный экономический рост является незавершенным, продолжающимся процессом, причем процессом, для которого характерны быстрые и радикальные смены доминирующих тенденций, существенно осложняет использование выявленных закономерностей для прогнозирования развития событий в странах-лидерах, идущих в авангарде экономического развития человечества. Однако страны-лидеры, те, кто начал экономический рост в первые десятилетия XIX века, занимают здесь совсем не то положение, что государства, в которых современный экономический рост и связанные с ним социально-экономические изменения начались позже³. Опыт первых – лидеров – позволяет делать важные выводы о проблемах и тенденциях, с которыми вторые – страны догоняющего развития – столкнутся в будущем.

Есть авторы, которые полагают, что тенденция дальнейшего развития процесса глобализации неизбежна. Есть те, кто убежден в том, что мир стоит на пороге деглобализации. То и другое доказать невозможно. А вот то, что России на протяжении следующих 50 лет предстоит решать проблемы, которые страны-лидеры современного экономического роста решали на протяжении последней половины XX века, на стадии, носящей сегодня название постиндустриальной, – можно утверждать с высокой степенью вероятности.

А.Смит – один из величайших экономистов в мировой истории – избежал многих ошибок, характерных для его последователей именно потому, что анализировал проблемы догоняющего развития⁴.

³ Разумеется, есть особая группа стран, начавших современный экономический рост заметно позже лидеров, но сумевшая их нагнать. Самый яркий пример здесь – Япония, начавшая экономический рост практически одновременно с Россией, и успевшая к 70-м годам XX века войти в группу лидеров.

⁴ На это обращает внимание А.Меддисон.

Проблемы и перспективы экономического лидера современной ему Европы – Голландии А. Смита не интересовали. Он считал, что Голландия вышла на пределы возможной производительности и дальше будет стагнировать⁵.

У К.Маркса представление о том, что более развитые страны показывают менее развитым лишь картину собственного будущего, было доведено до жесткого детерминизма. Однако К.Маркс недооценил три существенных фактора, отличающих развитие стран догоняющего роста от траектории движения стран-лидеров; отчетливо проявились названные факторы уже в XX веке.

Первый из них – сама дистанция от лидеров. Распространение знаний, технологий, рожденных современным экономическим ростом, носит неравномерный характер. Например, массовое применение в странах догоняющего развития современных противозидемиологических средств идет куда быстрее, чем распространение современных производственных технологий. Снижение смертности, рост продолжительности жизни происходит на более низких уровнях экономического развития, при длительном сочетании низкой смертности и высокой рождаемости. Отсюда тенденция увеличения в мировом населении на протяжении последнего века доли стран, начавших современный экономический рост существенно позже, чем лидеры.

Второй фактор – сами условия глобального мирового развития, которые задаются лидерами. Страны-лидеры проходят различные этапы своего развития и структурных трансформаций. В 70-х годах XIX века – начале 10-х годов XX века мировая экономика

⁵ Его интересовал вопрос о том, как страны догоняющего развития, менее развитые, чем Голландия – Англия, и страны континентальной Европы могут внести такие изменения в систему национальных институтов и проводимую экономическую политику, которые позволили бы им достичь голландского уровня развития.

существовала в условиях глобального рынка товаров и капитала, основанного на золотовалютном стандарте. Это влияло на выбор стратегии в странах, которые вступали в процесс современного экономического роста в эти десятилетия. В 1914–1950 годах мировое развитие находилось под сильным влиянием войн, кризиса золотовалютного стандарта, протекционистской политики. Это задавало границы допустимых значений для стран догоняющего развития, подталкивая тех к выбору протекционистской политики, импортозамещающей индустриализации. Во второй половине XX века мир постепенно вновь вступает в эпоху глобализации, снижения ставок таможенных тарифов, открытия рынка капитала, но уже не в условиях золотовалютного стандарта, а при плавающих курсах ведущих мировых валют. Это создает новые возможности выбора стратегии развития, ориентированной на рост экспорта, интеграцию в глобальную экономику.

В ближайшие десятилетия, как это ни прискорбно для нас, мировой контекст развития будет задаваться не тем, что происходит в России, Индии или Бразилии, а тем, как развиваются события в Северной Америке, Западной Европе, Японии. Экономические и политические процессы, которые начнут проявляться в странах-лидерах, окажут сильное влияние на эффективность национальных стратегий развития в странах, следующих за лидерами.

Третий фактор, определяющий специфику траектории догоняющего развития, – это национальные традиции, доставшиеся в наследство от соответствующих аграрных цивилизаций. Например, семейные отношения, возникшие в прошлом тысячелетии в Западной Европе, отличаются от тех, которые характерны для исламских стран, а также стран, где господствовали буддизм или конфуцианство. Распространенность узкой или широкой семьи, обычаев семейной

солидарности оказывает существенное влияние на развитие систем социальной защиты, национальные нормы сбережения, на экономическое развитие в целом.

Значение опыта лидеров для стран догоняющего развития состоит не в том, чтобы его слепо копировать, а в том, чтобы понимать стратегические проблемы, с которыми придется сталкиваться; чтобы в ходе выработки национальных стратегий развития минимизировать риски, не повторять чужих ошибок.

Если бы популярность марксизма в России сегодня была такой же, как в начале XX века, был бы задан, по-видимому, следующий контекст обсуждения долгосрочных проблем национального развития: тенденции трансформации социально-экономических установлений в странах-лидерах экономического роста; способность российских национальных институтов соответствующим образом адаптироваться; мероприятия, осуществление которых позволит приспособить российские установления к перспективным проблемам экономического развития⁶.

Крах социалистического эксперимента серьезно подорвал популярность марксизма в России. Но это не значит, что с водой надо выплескивать и ребенка. Трезвый анализ опыта социально-экономического развития наиболее передовых стран за последние полвека предельно важен для понимания тех проблем, с которыми будет сталкиваться Россия в первой половине XXI столетия.

Если сравнить сегодняшний душевой ВВП России с душевым ВВП стран-лидеров экономического роста, то можно увидеть размеры отделивающей нас дистанции (см. *табл. 2*).

⁶ Характерный пример – работа профессора В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», оказавшая серьезное влияние на разработку плана ГОЭЛРО в Советском Союзе. В качестве одной из важнейших отправных точек автор берет анализ отличия российского топливного баланса от топливного баланса более развитых стран.

**Годы, в которые душевой ВВП в странах-лидерах современного
экономического роста равнялся российским показателям
2001 года**

Страны	Годы
США	1935
Австралия	1936
Канада	1941
Новая Зеландия	1948
Англия	1934
Швеция	1944
Германия	1953
Франция	1951
Италия	1959

Источник: 1. ВВП на душу населения в России за 2001 года – данные из World Development Report, World Bank, 2003, приведенные к долларам Geary-Khamis 1990 года. 2. Данные по душевым ВВП остальных стран — см. *A.Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992, OECD 1995.*

Точность расчетов душевого ВВП в паритетах покупательной способности достаточно ограничена, и обсуждать результаты таких сопоставлений необходимо с большой осторожностью. Но в целом данные, содержащиеся в *табл. 2*, показывают, что дистанция, отделяющая Россию от стран-лидеров, составляет сегодня примерно от 40 до 60 лет.

Сравним эволюцию российского ВВП, происходившую в течение длительного периода времени, с эволюцией ВВП крупных стран континентальной Европы (Франции, Германии). Эти страны имеет смысл взять за точку отсчета, оценивая дистанцию, отделяющую Россию от лидеров: так же, как и Россия, они оказались втянутыми в XX веке в две мировые войны на их территории; искажающее влияние этих войн на их развитие имеет сходство с влиянием тех же войн на Россию.

Таблица 3

Отставание России по уровню душевого ВВП от Германии и Франции (лет)

Страны	Годы			
	1870	1913	1950	2001
Франция	≈ 60	63	46	50
Германия	≈ 60	63	55	48

Источники:

1. Данные о душевом ВВП за 1870–1950 годы – см. A. Maddison. Monitoring the World Economy 1820–1992. Development Center Studies, OECD, 1995.
2. Данные о душевом ВВП за 2001 год – см. World Development Report 2003. The World Bank. Данные приведены к долларам Geary-Khamis 1990 года.
3. Применительно к России душевой ВВП до 1913 года – Российская империя в границах СССР, для 1950 года – СССР, для 2001 года – Российская Федерация.

Содержащиеся в табл. 3 данные показывают, что отставание России от Германии, Франции по душевому ВВП было достаточно стабильным на протяжении примерно полутора веков⁷.

Речь идет не о случайных, вырванных из контекста данных о душевом валовом внутреннем продукте России, Франции и Германии. С этими изменениями были связаны и другие важные структурные изменения национальных экономик.

Таблица 4

Доля городского населения в общей численности населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы			
	1850 – Россия 1800 – Германия, Франция.	1910 – Россия 1850 – Германия, Франция	1950 – Россия 1910 – Германия, Франция	2000 – Россия 1950 – Германия, Франция
Россия	7	14	44,7	77,7
Германия	9	15	49	71,9
Франция	12	19	38	56,2

⁷ Таблица 3 может дать базу для излишне оптимистических выводов о постепенной тенденции к сокращению дистанции между Россией и странами-лидерами. Однако надо учесть, что в начале 50-х годов серьезное влияние на показатели Германии и Франции еще оказывали последствия Второй мировой войны.

Источник:

1. За 1800-1900 годы - источник: P.Vairoch, *Cities and economic development: from the dawn of history to the present*, Chicago, 1988

2. За 1950-2000 годы - источник: база данных ООН (<http://esa.un.org/unpp>)

Табл. 4, содержащая данные о динамике доли городского населения России, Германии и Франции на протяжении последних двух веков с лагом в 50 лет, показывает сходную картину эволюции этого показателя – Россия отстает примерно на два поколения (50 лет).

Таблица 5

Доля занятых в сельском хозяйстве в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция.	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	59,11 (1897) ^(*)	45,83 (1959)	10,02 ⁽³⁾
Германия	–	36,84 (1907)	23,63 ⁽²⁾
Франция	51,72 (1856)	41,43 (1901)	24,06 ⁽²⁾

* - В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник:

1. (если иного не указано) B.R.Mitchell, *International Historical Statistics 1750-1993*, Macmillan Reference LTD, 1998

2. Groningen Growth&Development Center Sectoral database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>)

3. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

Таблица 6

Доля занятых в промышленности в общей численности экономически активного населения в Германии, Франции и России, с лагом 50 лет (%)

Страны	Годы		
	1900 – Россия, 1850 – Германия, Франция.	1950 – Россия, 1900 – Германия, Франция	2001 – Россия, 1950 – Германия Франция
Россия	13,87 (1897) ^(*)	40,27 (1959)	24,97 ⁽³⁾

Германия	-	33,84 (1907)	35,21 ⁽²⁾
Франция	23,30 (1856)	26,53 (1901)	26,82 ⁽²⁾

* - В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник:

1. (если не указано иного): B.R.Mitchell, International Historical Statistics 1750-1993, Macmillan Reference LTD, 1998
2. Groningen Growth&Development Center Sectoral database (<http://www.eco.rug.nl/ggdc>)
3. Экономическая активность населения России, 2002. Госкомстат России.

Табл. 5 и 6 демонстрируют сходные структурные перемены в занятости. При этом более быстрое сокращение занятости в сельском хозяйстве России, по всей видимости, связано со специфическими чертами социалистической модели индустриализации.

Мы рассматриваем траектории развития стран на протяжении двух веков, в эпоху быстрых масштабных социально-экономических изменений. Для России этот период включал две революции, крах двух империй, две мировые и одну гражданскую войны, крупнейший в мировой истории социально-экономический эксперимент, который назывался «социализм», и его крушение. Тем не менее на протяжении этих веков дистанция по уровню развития между Россией и крупнейшими странами континентальной Европы оставалась достаточно стабильной и составляла примерно два поколения (50 лет). Начав современный экономический рост примерно на два поколения позже, чем он начался в Западной Европе, в 80-х годах XIX века, Россия сохраняла сложившуюся дистанцию. Разумеется, из этого нельзя сделать вывод о том, что соответствующий лаг задан и навсегда останется таким же. Но анализ развития социально-экономических процессов на протяжении последнего полувека в странах-лидерах экономического роста оказывается явно полезным для оценки долгосрочных перспектив России.

В. Истерли в своей интересной работе, изданной в 2001 году⁸, продемонстрировал уязвимость существующих моделей, объясняющих различия темпов экономического развития национальных экономик. Он показал, что какой бы из основных факторов, влияющих, как принято считать, на динамику роста (доля инвестиций в ВВП, расходы на образование и т.д.), мы ни взяли, всегда найдется набор стран, где при наличии данных факторов и соответствующих их значений роста не было. В. Истерли ввел в оборот не очень точный, хотя и интересный термин: «способность национальных институтов обеспечивать современный экономический рост». Наложив это представление на реалии российского развития последних полутора веков, можно сказать, что способность российских социально-экономических институтов обеспечить экономический рост была на протяжении всего этого периода на среднемировом уровне.

Если принять гипотезу, что дистанция, существовавшая на протяжении полутора веков, сохранится и дальше, то через 50 лет уровень жизни, стиль жизни, структура занятости, инфраструктура в России будут примерно такими же, какими они являются сегодня во Франции или Германии. Это предполагает рост душевого ВВП темпами, близкими к 2% в год, то есть то, как развивалась мировая экономика на протяжении последнего полувека. Если российская экономика на протяжении ближайших десятилетий будет развиваться так же, как она растет сегодня, то есть темпами, близкими к 4% в год, эту дистанцию можно пройти за 25 лет, что было бы, конечно, замечательным результатом.

Понимание масштабов расстояния, которое на протяжении длительного времени продолжает отделять Россию от стран-лидеров,

⁸ *Easterly W.* The Elusive Quest for growth. Cambridge-Massachusetts-London; The MIT Press, 2000.

нужно не для манипуляций цифрами роста и создания прогнозов на этой основе. Необходимо оно, во-первых, чтобы мы представляли себе, в чем российское развитие отличалось в прошлом и, видимо, будет отличаться в дальнейшем от развития стран-лидеров. И, во-вторых, с какими структурными проблемами нашей стране придется столкнуться на следующих этапах экономического роста.

Первое, в чем российское развитие по набору важнейших социально-экономических характеристик отличалось от траектории развития лидеров – это демографическая динамика (см. табл. 7).

Таблица 7

Доли стран в мировом населении (%)

Страны	Годы			
	1900 ⁽²⁾	1950	2000	2050
Россия	4,31 ⁽⁴⁾	4,03	2,34	1,04
США	4,63	6,26	4,55	3,96
Япония	2,67	3,32	2,04	1,09
Англия	2,33	2,01	0,95	0,59
Франция	2,46	1,66	0,95	0,62
Китай	24,24	22,01	20,47	14,59

Источник:

1. (если не указано иного) Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the UN Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision. <http://esa.un.org/unpp> (для 2050 г. умеренный прогноз).
2. Development Centre Studies. Monitoring the World Economy 1820-1992 by A.Maddison. OECD, Paris, 1995.
3. Население России за 100 лет (1897–1997), Госкомстат России, Москва, 1998.
4. Отношение численности населения России в 1897 г. (по источнику 3), отнесенная к численности населения мира в 1900 г. (по источнику 2).

Само по себе снижение доли России в численности населения земного шара – явление не уникальное. Неуклонно снижались на протяжении последнего века также доли стран-лидеров, не являющихся иммигрантскими странами. Так в чем же наше отличие? В том, что Россия, начавшая современный экономический рост на два поколения позже лидеров и быстро наращивавшая свою долю в

мировом населении в начале XX века, должна была, при инерционном развитии событий, иметь к концу XX века удельный вес существенно больший, нежели тот, который она имеет сейчас.

То, что произошло в России, было связано как с крупномасштабными социальными катастрофами (две мировые войны, гражданская война, коллективизация, репрессии), так и со спецификой социалистической модели индустриализации.

Таблица 8

Доля женщин в общей численности экономически активного населения (%)

Страны	Годы		
	1900 ⁽¹⁾	1950 ⁽²⁾	2000 ⁽²⁾
Германия	30,7(1907)	38,9	42,3
Россия	16,4(1897)	51,5	49,2
Франция	35,3(1901)	31,8	45,1

* - В скобках указан год, для которого рассчитан соответствующий показатель (наиболее близкий к требуемому году из имеющихся данных).

Источник:

1. Рассчитано по: V.R.Mitchell, International Historical Statistics 1750-1993, Macmillan Reference LTD, 1998.
2. Рассчитано по сведениям United Nations Common Database, Economically active population by sex, 13 age groups (ILO estimates/projections).

Данные, содержащиеся в *табл. 8*, позволяют сделать вывод, что специфика социалистической модели индустриализации предполагала необычно раннее вовлечение женщин в занятость вне домашнего хозяйства. Уже в 1950 году доля женщин в общем числе занятых в России была выше, чем она будет во Франции и Германии к 2000 году, то есть на стадии развитого постиндустриального общества. Процесс вовлечения женщин в занятость влечет за собой параллельный процесс сокращения числа рождений, приходящихся на одну женщину. Данные *табл. 9* показывают, как этот процесс

развивается в России, Германии, Франции и Испании⁹. С точки зрения последовательности развития демографических процессов, связанных с современным экономическим ростом, падение среднего числа рождений на одну женщину начинается в России примерно на два поколения раньше, чем в странах-лидерах.

Таблица 9

Среднее число рождений на одну женщину

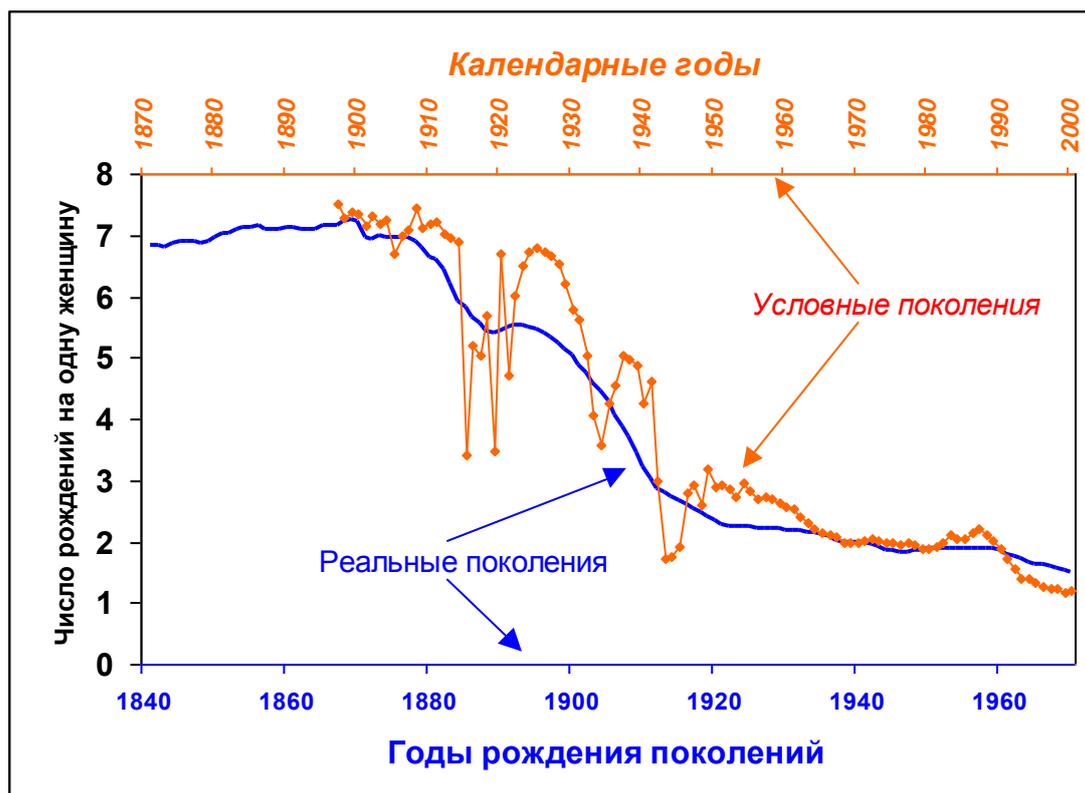
Страны	Годы		
	1950–55	1975–80	1995–2000
Германия	2,16	1,52	1,34
Испания	2,57	2,57	1,19
Россия	2,85	1,94	1,25
Франция	2,73	1,86	1,76

Источник: база данных ООН (<http://esa.un.org/unpp>)

Статистика рождаемости искажается в результате влияния демографических волн, порожденных мировыми войнами. Данные С.Захарова по числу рождений, приходящихся в России на одну женщину по реальным возрастным когортам, приведенные в *табл. 10*, и построенный на их основе *график 2* показывают связь траектории демографического перехода с социалистической моделью индустриализации.

График 2

⁹ Данные по Испании приведены, так как траектория демографического перехода близка к российской.

Источник: 1. Захаров С.В., «Рождаемость в России: первый и второй демографический переход»/ «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России», тезисы докладов научной конференции, Москва, 27-28 февраля 2002 г. М., ЦДЭЧ РАН, 2002, стр. 19–26. 2. Материалы, любезно предоставленные лично С.В. Захаровым.

Таблица 10

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений в России* (женские поколения 1841–1970 гг. рождения, календарные годы – 1896–2000)

Годы рождения женщин	Итоговая рождаемость реальных поколений	Календарные годы**	Итоговая рождаемость условных поколений
1841-1845	6,84		
1846-1850	6,90		
1851-1855	7,08		
1856-1860	7,11		
1861-1865	7,12		
1866-1870	7,20	1896-1900	7,30
1871-1875	6,96	1901-1905	7,12
1876-1880	6,85	1906-1910	7,17
1881-1885	6,20	1911-1915	6,30
1886-1890	5,49	1916-1920	5,23
1891-1895	5,50	1921-1925	6,16
1896-1900	5,23	1926-1930	6,38

1901-1905	4,59	1931-1935	4,51
1906-1910	3,66	1936-1940	4,74
1911-1915	2,82	1941-1945	2,60
1916-1920	2,46	1946-1950	2,89
1921-1925	2,25	1951-1955	2,86
1926-1930	2,20	1956-1960	2,67
1931-1935	2,15	1961-1965	2,33
1936-1940	2,01	1966-1970	2,03
1941-1945	1,91	1971-1975	2,01
1946-1950	1,85	1976-1980	1,93
1951-1955	1,89	1981-1985	2,02
1956-1960	1,87	1986-1990	2,08
1961-1965	1,71***	1991-1995	1,48
1966-1970	1,56***	1996-2000	1,23

*Итоговая рождаемость для условных поколений. *Источник:* Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М.: «Информатика», 1998. С.166, а также неопубликованные расчеты авторов, любезно предоставленные Е.М. Андреевым. Итоговая рождаемость для реальных поколений 1909-1970 годов рождения рассчитана С.В. Захаровым прямым методом на основе переписей населения 1979 и 1989 гг., дополненных специально обработанными данными текущего учета рождений. Для поколений до 1909 г.р. применялся косвенный метод, использующий длинные ряды чисел родившихся и оценки дожития до среднего возраста матерей (См. Блюм А., Захаров С.В. Демографическая история СССР и России в зеркале поколений. //Население и общество. Информационный бюллетень ЦДЭЧ ИНП РАН. №17. 1997. Перепечатано: *Мир России*, Т.4, 1997. С.3-11; *Энергия*, №2, 1998. С.42-46.)

** Календарные годы соответствуют годам достижения возраста 30 лет когортами, указанными в левой части таблицы.

*** Предварительная оценка.

Еще один фактор, который обусловил снижение доли России в общей численности населения земного шара, также связан с социалистической моделью индустриализации. Как показывают данные *табл. 11*, до середины 60-х годов отмечалось постепенное сближение показателей продолжительности жизни в России и в странах-лидерах современного экономического роста. С середины 60-х годов этот процесс прекращается¹⁰. Устойчивость показателей продолжительности жизни в России на фоне нарастания дистанции по отношению к лидерам на протяжении почти 40 лет – очень необычный в мировой демографической истории процесс.

¹⁰ По годовым данным ГКС РФ продолжительность жизни в России достигает своего максимума за 50–70 годы в 1965–1966 годах. См. Демографический ежегодник России. М., 2001.

Таблица 11

Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)

Страны	Годы					
	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Россия	64,5	67,9	69,7	68,3	66,9	66,1
США	68,9	70,0	71,5	74,0	74,9	76,2
Япония	63,9	69,0	73,3	76,9	79,5	80,5
Англия	69,2	70,8	72,0	74,0	76,4	77,2
Франция	66,5	71,0	72,4	74,7	77,5	78,1
Германия	67,5	70,3	71,0	73,8	76,2	77,4

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, World Population Prospects: The 2000 Revision and World Urbanization Prospects: The 2001 Revision (<http://esa.un.org/unpp>).

По-видимому, здесь сыграли роль два фактора. Демографы давно выявили связь питания женщины во время беременности и питания ребенка в первые годы жизни со средним ростом нового поколения и продолжительностью предстоящей жизни. Применительно к возрастным когортам, родившимся между концом 20-х и началом 50-х годов, данные показатели выглядят существенно хуже, чем у предшествующих и последующих поколений. Риск умереть в 30–40-летнем возрасте у мужчины, родившегося в середине 20-х годов, когда подавляющая часть рождений приходилась на семьи свободных крестьян, был примерно в 2 раза ниже, чем у родившегося в конце 40-х – начале 50-х. Лишь с середины 50-х годов эти показатели существенно улучшаются. Связь такого развития событий с коллективизацией и Второй мировой войной очевидна.

Таблица 12

Потребление алкоголя на душу населения старше 15 лет в переводе на чистый спирт в 1960–2000 годах (литры)

Годы	Страны		
	Россия	Франция	Германия
1960	4,88 ⁽²⁾	32,62 ^(*)	10,71 ^(*)

1970	10,38 ⁽²⁾	33,87	15,11
1980	13,40	33,34	16,18
1990	7,09	22,60	14,67
1999	10,80	19,87	12,99

* - 1961 г.

Источник:

1. Если не указано иного: <http://www3.who.int/whosis>. WHO Statistics, Global Alcohol Database.

2. Оценка (на основе данных Госкомстата, бюллетеня «Население и общество», № 19-20 (май 2001 г.) <http://www.demoscope.ru>.)

Второй фактор – это специфика развития событий, связанных с алкоголизацией населения в России в XX веке. Как показывают данные *табл. 12*, по абсолютному потреблению алкоголя на душу населения показатели России близки к показателям Германии и существенно отстают от показателей, характерных для Франции. Однако проблемы в этой области связаны не с количеством потребления алкоголя на душу населения, а со стилем его потребления. Сложившийся в России стиль потребления алкоголя характеризуется превалированием крепких напитков, неумеренностью, широким распространением пьянства на рабочем месте. Вместе с тем подобный стиль – это отнюдь не российская национальная специфика. Работы по истории алкоголизма и алкогольного поведения в Германии в XIX веке показывают сходство проблем, с которыми сталкивалась эта страна во второй половине XIX века, с теми, которые были характерны для России в XX веке¹¹.

В странах Северной Европы потребление алкоголя считалось совместимым с хозяйственной деятельностью в сельском производстве. Это был способ согреться. Он обеспечивал получение дополнительных калорий, социализацию. Немецкий крестьянин, попадая в середине XIX века из деревни в город и устраиваясь на завод, продолжал придерживаться традиции, усвоенной в селе.

Обычай обязательного подношения учеником, поступающим на работу, бутылки водки коллективу; отказ в сотрудничестве и общении члену коллектива, который в совместных выпивках не участвует, – хорошо известные реалии немецкой жизни конца XIX века. Борьба рабочих за право пить на рабочем месте была одним из важных требований немецкого рабочего движения.

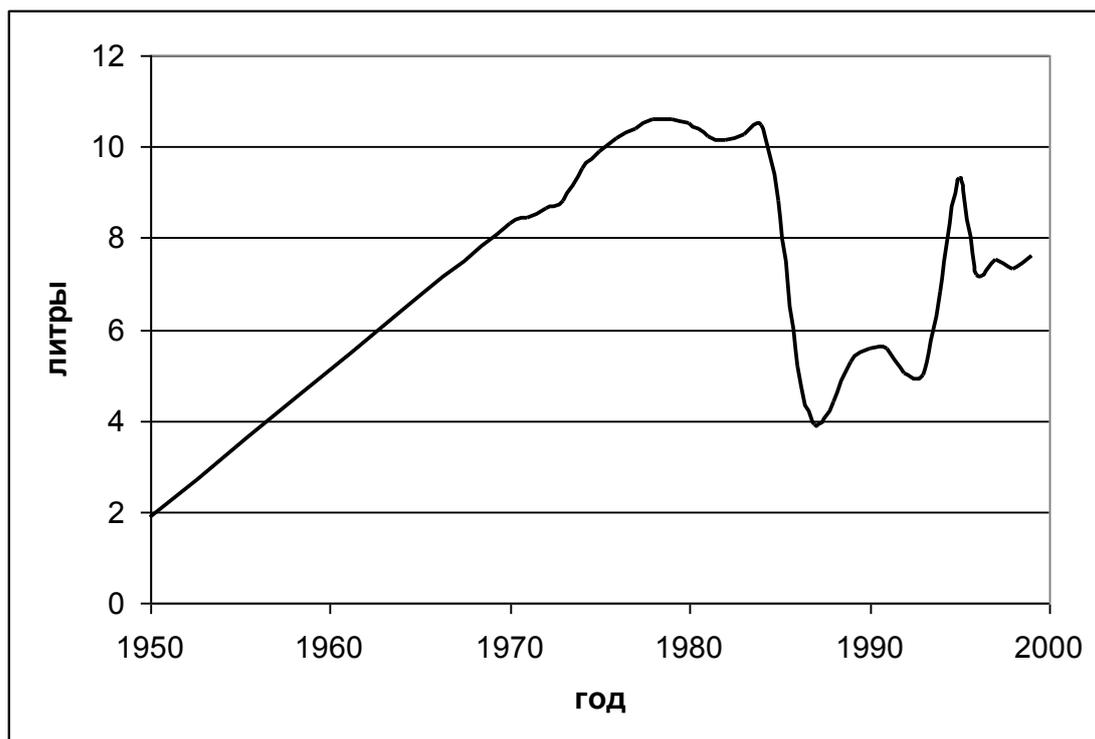
Лишь к концу XIX века, когда Германия выходит на уровень развития примерно такой же, какого достиг в 30–50 годы XX века Советский Союз, ситуация в этой области начинает меняться. Получает широкое распространение борьба и работодателей, и профсоюзов за прекращение пьянства на рабочем месте. На смену ему приходят посиделки с друзьями в пивной за заводским забором.

В Советском Союзе этого перехода не происходит. На фоне уравниловки, слабой социальной ответственности, отсутствия инициативы нормы алкогольного поведения, характерные для раннеиндустриальной эпохи, закрепляются, становясь важнейшим фактором остановки роста средней продолжительности жизни и наращивания дистанции между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин (см. *график 3*). Наложение данных этого графика на общеизвестные сведения об изменении продолжительности жизни мужчин во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов делает связь изменения этих показателей с антиалкогольной кампанией и ее провалом очевидной.

График 3

Потребление алкоголя в эквиваленте чистого спирта на душу населения в России в 1950–2002 годах

¹¹ *Roberts J.S.* Drink and Industrial Discipline in Nineteenth-century Germany. The Industrial Revolution and Work in Nineteenth-Century Europe. London–New York, 1992. P. 102–124.

Источник:

1. Демоскоп, №19-20, 7-20 мая 2001 год. (<http://www.demoscope.ru/weekly/019/tema01.php>)
1. БСЭ. – М, 1950, т.2, с.118, <http://optimalist.narod.ru/bro01.htm> (данные на 1950)

Если бы доля России в мировом населении сегодня была бы такой же, как в 1913 году, то есть без влияния социальных катаклизмов XX века, раннего вовлечения женщин в занятость и укоренения традиций алкогольного поведения, характерных для раннеиндустриальной эпохи, население России составляло бы сегодня примерно 300 миллионов человек.

О важнейших проблемах долгосрочного развития России и путях их решения

В XX веке шло быстрое увеличение доли расходов расширенного правительства в валовом внутреннем продукте (см. табл. 13).

Таблица 13

Доля расходов расширенного правительства в ВВП (%)

Страны	Годы				
	1913	1938	1950	1973	1999
Великобритания	13,3	28,8	34,2	41,5	39,7
Германия	17,7	42,4	30,4	42,0	47,6
США	8,0	19,8	21,4	31,1	30,1
Франция	8,9	23,2	27,6	38,8	52,4
Япония	14,2	30,3	19,8	22,9	38,1

Источник: A. Maddison. The World Economy. A Millennial Perspective. Development Center Studies, OECD 2001.

Именно на этом фоне формировались современные системы социальной защиты и организации социальных отраслей – пенсионирования, здравоохранения, образования. Этот процесс начался в 80-х годах XIX века в Германии и в основном завершился в странах-лидерах современного экономического роста к середине 30-х годов. Достройка этой системы происходила после Второй мировой войны в 50-е годы. Социальная среда в период ее формирования радикально отличалась от той, которая характерна для постиндустриального общества. Общество еще было молодым. Доля старших возрастных групп, на которые распространялись пенсионные права, была ограниченной. Большая часть лиц, имеющих право на пенсию, продолжала работать. Пенсионная система, по сути, была страховкой на риск дожития до нетрудоспособности. В 30-х годах XX века, когда возникает государственная пенсионная система в США, доля лиц в возрасте старше 65 лет составляла лишь 9,7 %. (см. табл. 14).

Таблица 14

Соотношение лиц пенсионного возраста⁽³⁾ и лиц трудоспособного возраста⁽⁴⁾ в развитых странах (%)

Годы	Страны				
	Германия	Франция	Англия	Япония	США
1930 ⁽⁵⁾	11,3 ⁽²⁾	15,8 ⁽¹⁾	12,3 ⁽¹⁾	9,8	9,7
1950	16,2	19,5	17,8	10,0	14,3

1960	19.2	20.8	20.1	10.6	17.5
1970	24.3	23.8	23.2	11.7	18.7
1980	27.2	25.0	27.0	15.0	19.6
1990	23.6	24.0	26.9	19.5	21.1
2000	26.3	27.2	26.7	27.6	20.8

Источник: Если не указано иного - United Nations Common Database, Population by sex and age groups (UN estimates and projections).

- (1) Данные за 1931 год
- (2) Данные за 1933 год
- (3) Лица старше 65 лет
- (4) Лица от 20 до 65 лет
- (5) расчеты по B.R. Mitchell. International Historical Statistics, Fourth Edition. The Americas 1750-1993, A2 North America: Population of Major Countries by Sex and Age Groups. Africa, Asia and Oceania 1750-1993, A2 Asia: Population of Selected Countries by Sex and Age Groups. Europe: 1750-1993, A2 Population of Countries by Sex and Age Groups.

В послевоенный период начинается процесс быстрого старения населения, и доля эта возрастает в 2–3 раза. Процесс носит долгосрочный характер, он будет продолжаться и дальше.

Системы социальной защиты формировались в условиях, когда возможности наращивания налоговых доходов казались неограниченными, а обязательства были скромными. В результате возникали структуры, которые на десятилетия закладывают растущие обязательства. Пока удавалось наращивать налоговые поступления, это противоречие можно было игнорировать. Но к 70-м годам XX века обозначаются пределы налоговых изъятий, существующие в условиях постиндустриального общества.

Еще один фактор, наложивший отпечаток на формирование социальных обязательств в 50-е годы: это был период аномально высоких темпов экономического роста, компенсировавший их падение в 1913–1950-х годах. С середины же 70-х годов XX века, по исчерпанию резервов компенсаторного роста, мировая экономика начинает расти медленнее.

Формирование систем социальной защиты происходит под влиянием таких факторов, как молодое население, быстрый рост налоговых возможностей и аномально высокий экономический

рост. Потом выясняется, что такого благоприятного сочетания нет. Отсюда ключевой конфликт постиндустриального общества – противоречие между пределами возможностей государства мобилизовывать доходы и системой быстро растущих социальных обязательств. Именно этот конфликт определяет наиболее острые социальные и экономические проблемы стран-лидеров на протяжении последних тридцати лет.

Проблемы реформирования здравоохранения

Растущая продолжительность жизни в сочетании с повышающейся приоритетностью услуг здравоохранения в потребностях постиндустриального общества задают траекторию быстрого роста доли здравоохранения в ВВП при нарастающих структурных проблемах в этой области (см. *табл. 15*).

Таблица 15

Доля расходов на здравоохранение в ВВП/ВНП, % в некоторых странах, 1960–2000 годы

Годы	Страны				
	США	Япония	Германия	Франция	Англия
1960	5,1	3,0	4,8	4,1	3,9
1970	6,9	4,5	6,3	5,7	4,5
1980	8,7	6,4	8,8	7,4	5,6
1990	11,9	5,9	8,7	8,6	6,0
2000	13,0	7,8	10,6	9,5	7,3

Источник: OECD, Health, Statistics. OECD Health Data 2001, 2002 – Table 10: Total expenditure on health - % of GDP (<http://www.oecd.org>).

Рост доли здравоохранения в ВВП США идет особенно динамично, в Англии этот процесс идет медленнее, но везде она увеличивается в 2–3 раза на протяжении сорокалетнего периода.

Выявляется объективное противоречие: общество хочет больше тратить на здравоохранение, а возможности обеспечить удовлетворение этой потребности, при существующих формах его организации и финансирования, отсутствуют. Бесконечно наращивать бюджетные расходы на здравоохранение не удастся.

Эти проблемы проявляются в принципиально различных системах здравоохранения. Английская система – это государственное здравоохранение, американская – частное. Англия сталкивается с одним набором проблем – дефицитом врачебных услуг, многомесячными очередями для простейшего анализа или консультации – хорошо известным тем, кто жил в условиях социализма, с реалиями «экономики дефицита», столь убедительно описанными Я.Корнай¹². В США мы видим другую проблему – быстро растет доля здравоохранения в ВВП, как, вероятно, росла бы в Англии в условиях частного здравоохранения, при этом происходит форсированная инфляция издержек, делающая систему лечебной помощи малодоступной для многих американцев.

Состояние нашей нынешней системы здравоохранения в России не нуждается в подробном описании. Раздутый коечный фонд, большое количество врачей, невысокое качество медицинского обслуживания, очереди, формальные и неформальные соплатежи населения, – все это известные реалии. На протяжении последнего десятилетия российскую систему здравоохранения пытались реформировать, вводить страховые элементы, сокращать коечный фонд, долю расходов на стационарное лечение. Результаты оказались скромными. Важно понять – это не специфические проблемы России, порожденные постсоциалистическим кризисом и легко преодолимые при улучшении экономического положения. Они

носят серьезный структурный характер, заданы на долгие десятилетия логикой развития постиндустриального общества.

Преимущество России состоит в том, что мы столкнулись с этими проблемами достаточно рано, у нас еще есть свобода маневра и возможности многое изменить. Ведь нередко очевидно полезные изменения и реформы в здравоохранении, например США, наталкиваются на одно фундаментальное препятствие – то, которое называется «интересы медицинского лобби». Его усилия были весьма действенными, в частности, в отношении ограничения эффективности контроля за издержками в здравоохранении.

Есть два важных направления реформ в области организации российского здравоохранения, заслуживающие серьезного внимания. Первое – переход от финансирования сети к финансированию предоставляемых услуг. Второе – создание механизмов легального частного страхового софинансирования здравоохранения, позволяющего расширить свободу маневра для пациента и создать адекватную систему стимулов для отрасли.

Формирование систем социальной поддержки, в том числе страховых систем в медицине, проходило под сильным влиянием германского опыта. Между тем у О. Бисмарка были свои конкретные политические задачи: ему нужно было ослабить влияние социалистов и рабочего движения. С самого начала в организацию здравоохранения было встроено противоречивое сочетание страховых и налоговых принципов. По форме взносы были страховым платежом, но их размеры слабо влияли на объем и набор услуг, права на которые получает застрахованный.

Пока речь шла о низких налогах и небольших выплатах, о низкой доле такого перераспределения в ВВП – подобное

¹² J. Kornai. Economics of Shortage. Russian (1990).

противоречивое сочетание могло сохраняться. Но когда эта система становится важнейшей частью экономики, есть смысл задуматься над целесообразностью сохранения заложенных в ней базовых аксиом и, в частности, сочетания налоговых и страховых элементов. Если речь идет о налоговых платежах, понятно, на что эти платежи имеет смысл тратить – на обеспечение минимальных гарантий финансирования здравоохранения для бедных, для тех, кто не может обеспечить удовлетворение своей потребности в услугах здравоохранения иным способом. Если это страховые платежи, то тот, кто их вносит, должен иметь право влиять на качество услуг, иметь возможность выбирать как своего страховщика, так и тот страховой пакет, который он хочет иметь, а не получать его принудительно, как в советском продуктовом наборе.

Целесообразно предоставить работодателю и работнику право выхода из государственной системы обязательного медицинского и социального страхования с передачей соответствующих средств в лицензированные частные компании, занимающиеся медико-социальным страхованием, сохранив возможность финансирования страховых выплат малообеспеченным за счет общих доходов бюджета. Полезно было бы сочетать это со стимулированием создания фирм, реализующих и страховые, и собственно медицинские функции. Как показывает опыт, это благоприятно сказывается на эффективности расходов.

С 2000 года, в рамках реформы подоходного налога, были введены налоговые вычеты на здравоохранение и образование. Эта система практически не заработала. Причина – сложные бюрократические процедуры и ограниченный масштаб стимулов. Масштаб экономии, близкий к 100 долларам США, не оправдывает необходимых для предоставления этой льготы усилий для тех групп

налогоплательщиков, которые могли бы активно озаботиться собственным финансированием страхового здравоохранения.

Необходимо ограничить бюрократические требования к системе вычетов, одновременно устранив предусмотренные сегодня верхние пределы вычетов (20 тыс. руб.), обозначенных в номинале, и установить, что эти пределы должны определяться только как доля от облагаемого дохода. Сама эта граница – вопрос расчета и оценки возможных бюджетных потерь. Такая система – существенный стимул к легализации высоких доходов. С учетом опыта реформ подоходного налога в 2001–2002 годах можно предположить, что потери бюджета при ее введении будут незначительными.

Сочетание права выхода из системы государственного медико-социального страхования и реформирования социальных вычетов позволяет снизить реальное налоговое бремя, увеличить объем финансирования, поступающего в систему здравоохранения, создать адекватную систему стимулов для организаций, действующих в системе здравоохранения, уйти от распределения финансовых ресурсов по числу больничных коек.

Реформа системы образования

Рост потребности в услугах системы образования был в постиндустриальном обществе не столь динамичным, как рост потребности в услугах здравоохранения. Частично это связано с тем, что население стареет, и контингент обучаемых сокращается, хотя продолжительность обучения быстро растет и все настойчивей проявляет себя необходимость непрерывного образования. В этой области постиндустриальный мир столкнулся с проблемами, сходными с теми, что и в системе здравоохранения. Большие усилия

были направлены на обеспечение равных возможностей обучения, на то, чтобы минимизировать зависимость качества образования от способностей родителей его финансировать. Но при нарастающих бюджетных ограничениях система начинает работать неудовлетворительно. Недостаточное финансирование снижает качество обучения. Децентрализация финансирования образования, характерная для многих постиндустриальных стран, ведет к резким различиям в качестве образования, связанным с местом проживания семей, порождает тенденцию к поселенческой социальной сегрегации.

Излагать в деталях, как мы предлагаем реформировать сферу образования, сейчас не могу из-за недостатка времени. Остановлюсь лишь на нескольких проблемах. Развитие российской системы образования должно предполагать: а) возможности частного софинансирования образования и б) возможность доступа к качественному высшему образованию для детей из низко- и среднедоходных семей. Задача в том, чтобы добиться непротиворечивого сочетания того и другого.

Сегодняшний механизм приема в российские вузы устроен парадоксально. Все знают о существовании частных соплатежей при поступлении в вузы, знают, как работает отлаженная машина репетиторства, знают, что возможности получить бесплатное образование у детей из наиболее высокостатусных и наиболее обеспеченных групп населения существенно выше, чем у прочих. Следующая группа – менее высокостатусных и менее высокодоходных – вынуждена отправлять своих детей на обучение за частный счет. Дети из низкостатусных семей идут в армию. Беречь и лелеять подобный механизм смысла нет.

Предложения по реформе образования, которые сегодня активно обсуждаются и отрабатываются в ходе проводимого в стране эксперимента, являются попыткой разрешить это противоречие. Стремление обеспечить доступ к образованию детей из не высокостатусных и высокооплачиваемых семей обычно выводят на систему тестирования. По-другому отбирать тех, кто будет иметь право получить образование за государственный счет прозрачным образом, сложно. С точки зрения решения вопроса о том, кто должен получать государственные деньги на обучение, система тестов, при всех своих известных недостатках, по-видимому, не имеет альтернативы. Но предлагается таким образом отбирать не только тех, кто получит государственные деньги, но и тех, кто будет учиться в конкретном вузе. К сожалению, система тестов не позволит отобрать тех, кто способен учиться в консерватории, на мехмате МГУ или на факультете восточных языков.

Есть объективное противоречие: обеспечение качественного образования предполагает возможность вуза отбирать студентов по своим критериям, а обеспечение равного доступа и ограничение коррупции предполагает стандартные процедуры. Это противоречие не является неразрешимым. Нужно лишь внести серьезные изменения как в существующие установления, так и в то, что предполагается сделать в этой области в рамках распространения идущего эксперимента.

Первое. Необходимо отказаться от бессмысленного сегодня норматива в 170 студентов на 10 тыс. жителей, которых государство должно учить в вузах бесплатно. В России, с ее неравномерной численностью поколений, когда численность следующих одна за другой возрастных когорт может различаться почти в два раза,

иметь такой норматив нет смысла. Второе. Отменив этот норматив, можно существенно повысить цену образовательного ваучера, его привлекательность для вуза. Третье. Мы должны исключить иные, не связанные с ваучерами, формы финансирования вузов.

В случае внесения этих корректив можно предоставить вузу право самому отбирать студентов, установив минимальную долю приема студентов с государственным образовательным ваучером. Это позволит сочетать простые правила: государство отбирает тех, кому оно платит за образование, а вузы сохраняют право отбирать тех, кого они считают годными к обучению по соответствующим специальностям. Эта система станет особенно привлекательной в сочетании с военной реформой и переходом к контрактной армии, когда учеба в вузе перестанет быть средством уклонения от военной службы.

Еще одна проблема связана с функционированием системы среднего образования: раздувание школьной программы и наращивание объема федеральных стандартов. Порождена она в значительной степени тем, что зарплата учителя зависит от числа часов преподавания. Отсюда заинтересованность педагогического состава в том, чтобы часов было больше, несмотря на справедливые рассуждения о перегрузке детей. Здесь важнейшая задача – жесткое ограничение федерального стандарта по объему знаний в сочетании с предоставлением школе свободы маневра за пределами федерального стандарта. Что касается последнего, он должен быть реально посильным не только для школы в крупном городе, но и для сельской школы и школы в малом городе. В противном случае вся система тестов превращается в профанацию. Неразумно сдерживать качество обучения в школах, которые имеют возможность обучать лучше. Но отбор тех, кто получит право на государственное

финансирование, должен идти по простому набору критериев, которые всем доступны.

Проблемы в области пенсионной системы

В 1940 году в Советском Союзе было 4 миллиона пенсионеров, из них 200 тысяч пенсионеров по старости. Впоследствии ситуация начинает меняться, идет процесс старения населения, увеличения пенсионной нагрузки на одного занятого (см. табл. 16).

Таблица 16

Соотношение лиц пенсионного возраста⁽¹⁾ и занятых

	Соотношение лиц пенсионного возраста и занятых, %
2000 год	
США	25,48
Великобритания	36,95
Франция	49,88
Германия	38,40
Япония	34,14
2050 год, Россия⁽²⁾	
Инерционный прогноз	74,13
Целевой прогноз	61,97

(1) Для США, Германии и Японии – лица старше 65 лет; для Франции – лица старше 60 лет; для Великобритании – мужчины старше 65 лет и женщины старше 60 лет.

(2) Соотношение лиц пенсионного возраста и населения в возрасте от 16 до 54 (59) лет.

Источник:

1. Данные за 2000 г.: <http://www.oecd.org>. Employment Outlook and Analysis, Labour Market Statistics Data, LFS by sex and LFS by sex and age.
2. Прогноз на 2050 г. для России: А.Г. Вишневский, Е.М. Андреев, А.И. Тревиш. Доклад «Перспективы демографического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу». Стр. 18, 28.

Как видно из приведенной таблицы, если мы возьмем инерционный прогноз (прогноз А.Вишневского), то нагрузка на одного занятого при нынешней структуре пенсионной системы к 2050 году будет примерно в 2–2,5 раза выше, чем в наиболее развитых странах-лидерах экономического роста сегодня.

Пенсионная реформа в России началась сравнительно рано, на благоприятном демографическом фоне. В ее рамках заметно укрепилась зависимость условий пенсионирования от размера взносов на пенсионное страхование работников. Начался процесс создания накопительной пенсионной системы. Но если проанализировать прогнозы, то выяснится, что все сделанное недостаточно для обеспечения долгосрочной устойчивости российской пенсионной системы, если под этим понимать сохранение средних размеров пенсии по отношению к зарплате на уровне, близком к тому, который существует сегодня.

Возможное и важное направление решения этой проблемы – ускорение темпов наращивания накопительной части пенсии. Лишь при таком развитии событий можно уйти от крайне болезненного в демократической стране вопроса о пенсионном возрасте.

Еще одна нерешенная проблема в российской пенсионной системе – направление большей части пенсионных накоплений в национальную экономику. Прогнозировать финансовые рынки трудно. Однако опыт последних двух веков показывает – мировое развитие менее волатильно, чем развитие любой отдельно взятой страны. А именно от этого зависит долгосрочная устойчивость пенсионных накоплений. Чтобы ее обеспечить, необходимо существенно повысить долю пенсионных накоплений, которые инвестируются в высоконадежные и ликвидные международные ценные бумаги.

Кризис призывных армий

Характерная черта постиндустриального перехода – кризис призывной армии. Это процесс закономерный, он связан с

трансформацией демографической и социальной структуры. Впервые в Европе призывная армия возникает в Швеции, из крупных стран – во Франции. Переход к ней происходит в условиях аграрного общества, где в семье 5–6 детей. Из них многие не доживают до призывного возраста. В этих условиях потеря ребенка – это беда, но привычная. Для мальчика, который вырос в деревне, путь в армию – это, вместе с тем, путь в город, возможность социализации, получения элементарного образования, путь к продвижению. В Китае и сегодня для юноши из деревни попасть в армию – социальный успех.

Иная ситуация возникает в странах-лидерах постиндустриального развития. Это страны, где в семьях один-два ребенка, как правило, не более чем один сын, где население урбанизировано, не нуждается в армии как в инструменте социальной адаптации. Рассчитывать на то, что в демократических обществах, с такими демографическими характеристиками, можно «забрить» этого единственного сына в призывную армию просто потому, что так решит государство, – нереально. Призывная система входит в противоречие с социальными установлениями, нормами поведения. Общество найдет способ защитить своих детей от принудительного призыва. Попытки сопротивления этому стремлению порождают масштабную коррупцию. Когда государство пытается принять законы, ограничивающие отсрочки от воинской службы, оно лишь увеличивает плату за уклонение от призыва, не более того.

В нашей стране реформа комплектования вооруженных сил, переход к контрактной армии – это не идея, порожденная краткосрочными проблемами, которые легко преодолимы, а отражение реалий того этапа развития, на котором сегодня

находится страна. При попытке сохранения системы призыва в этих условиях проблемы в армии будут лишь усугубляться. Разница между нами и странами-лидерами состоит в том, что на фоне специфики демографического развития в России, необычно раннего перехода к малодетной семье, в нашей стране эти проблемы обострились раньше.

Не буду подробно останавливаться на наших предложениях по реформе вооруженных сил. Они известны. Мы работаем сейчас в этой области и с Минэкономики, и с Минфином, и с Министерством обороны. Взаимодействовать не всегда легко, но мы не оставляем усилий. Вопрос не в том, необходимо ли в России переходить к контрактной армии. Такой переход неизбежен. Вопрос в том, придется ли это делать в авральном порядке, когда выяснится, что в 2007 году некого будет призвать, или это удастся сделать планомерно и с адекватной подготовкой.

Иммиграционная политика

Политика по отношению к иммиграции в странах, находящихся на стадии постиндустриального развития, как правило, была крайне непоследовательна. Здесь сталкиваются две реальности – экономическая и политическая.

Экономическая реальность: в странах с богатеющим населением существует острый дефицит рабочей силы, готовой на неквалифицированный труд. Есть неквалифицированные рабочие места, которые можно экспортировать за рубеж, в менее развитые страны. Но в отношении профессии уборщика, нянечки, грузчика и многих других это нереально. Между тем на высоких уровнях развития резко повышаются требования национальной рабочей силы

к качеству труда и рабочего места. Органы трудоустройства не решаются предложить многие рабочие места даже безработному, потому что власти знают: он имеет моральное право отказаться. В то же время есть и потенциальное предложение труда для такого рода рабочих мест. Даже те невысокие зарплаты, которые платят в станах-лидерах за непрестижную работу, для многих выходцев из более бедных стран – возможность социального продвижения, роста благосостояния. В такой ситуации остановить процесс трудовой иммиграции невозможно, как ни пытайся прочнее закрыть границы. Однако общество, особенно в странах не иммигрантских, с высокой долей коренного населения, воспринимает иммигрантов как угрозу. Они нужны как уборщики, строители и грузчики, но не нужны как соседи. Складывается положение, когда иммиграция неизбежно происходит, но часто принимает наихудшую из возможных форм – форму нелегальной иммиграции.

Правительство США – иммигрантской страны, до 80-х годов XIX века вообще не имевшей никаких иммиграционных ограничений, а в XX веке постепенно ужесточавшей иммиграционный режим, было вынуждено провести в 1986 году крупномасштабную легализацию иммигрантов. Эта мера выявила и позволила сделать законным положение примерно 4 миллионов нелегальных иммигрантов. Сейчас США стоят на пороге осознания необходимости повторения того же шага и новой легализации иммигрантов примерно в тех же масштабах.

Италия несколько раз проводила легализацию иммиграции. То, что там массово распространена нелегальная трудовая занятость иммигрантов в теневой экономике, исследователи прекрасно знают. Германия пыталась несколько раз ограничивать постоянную иммиграцию. В результате иммигранты прибывают в страну по

каналам иммиграции беженцев, получают право жить в стране, но не имеют права легально работать.

Есть примеры разумной политики в области иммиграции. Канада – пример осмысленной политики, хотя проводимой не без колебаний. За последние 20 лет канадское правительство довело долю иммиграции, определяемую по балльной системе (речь идет об иммигрантах, приезд которых власти страны поощряют, отбирая их с использованием определенных критериев по всему миру) до уровня выше 50 процентов. К сожалению, это исключение.

Россия неизбежно столкнется и уже сталкивается сейчас с теми же проблемами. Посмотрев на рынок рабочей силы в Москве, узнав, кто и на каких рабочих местах работает, нетрудно убедиться, что идея о возможности обойтись без крупномасштабной трудовой иммиграции – нереалистична. Это долгосрочная проблема, с которой России придется иметь дело в течение многих десятилетий. Даже если абстрагироваться от вопроса о перспективных проблемах численности российского населения (это всегда вопрос точности прогнозов), то по условиям рынка труда страна обречена получать крупномасштабный приток иммигрантов. В этой ситуации разумнее получать тех, кого национальные власти хотят видеть в стране, а не тех, кого бы они видеть не желали.

У России есть уникальная возможность, мало кому доступная. Нас окружают страны, большинство из которых беднее. В этих государствах живут миллионы русских и десятки миллионов русскоязычных, людей, знающих русский язык, русскую культуру, традиции, людей, которые легко интегрируются в структуру российского общества. И вместо того, чтобы вести систематическую работу по привлечению талантливой молодежи из стран СНГ в российские вузы, с предоставлением российского гражданства,

привлечению иностранцев из стран СНГ на службу в российскую армию по контракту, создавать разумно устроенную балльную систему организации трудовой иммиграции, легализовать иммигрантов, практически живущих в России, интегрировать их в российское общество, – вместо того, чтобы использовать весь этот потенциал, мы заимствуем худшие черты иммиграционной политики стран-лидеров. При этом еще гордимся, что наше последнее законодательство в этой области похоже на европейское. Между тем трудно представить себе нечто менее разумное, чем европейское иммиграционное законодательство.

Долгосрочная валютная и курсовая политика

Мир использует доллар как важнейшую валюту на протяжении последнего века, фунт и доллар – на протяжении последних двух веков. Может быть, именно поэтому иногда даже у специалистов, складывается впечатление, что при обсуждении проблем сегодняшней мировой финансовой и денежной системы мы имеем дело с чем-то долгосрочно стабильным, устойчивым, хорошо изученным. На деле в том виде, в котором денежная система сложилась сегодня – это продукт недавнего прошлого. Это сочетание глобального мира, свободного потока капитала и плавающих курсов ведущих мировых валют, не основанных на золотом стандарте. Такое положение существует в течение последних двух-трех десятилетий. Это реальность, заданная лидерами, и необходимо отдавать себе отчет в том, что пока она изучена слабо. Но уже ясно, что одна из ее характеристик – крупномасштабные колебания потоков капиталов, и прогнозировать такие колебания трудно.

Проанализировав историю мексиканского кризиса 1994 года, кризиса в Юго-Восточной Азии 1997–1998 годов, аргентинского кризиса 2000–2001 годов, нетрудно увидеть, что они были неожиданностью для ключевых игроков. В том числе – для очень сильных экономистов. Экономическая команда Б.Клинтона была могучей. Она включала таких авторитетных специалистов, как Л.Саммерс, Д.Липтон, С.Фишер. Это квалифицированные люди, которые неплохо справились с управлением кризисами, ограничением причиненного ими ущерба. Для них и мексиканский кризис, и кризис в Юго-Восточной Азии были неожиданностью. А это значит, что нет никаких гарантий, что следующий кризис также не будет неожиданным для тех, кто в наибольшей мере способен повлиять на состояние мировой экономики.

Современный финансовый мир динамичен и полон рисков. В нем разумно надеяться на лучшее, а рассчитывать на худшее. Для России это особенно важно. Наша страна сталкивается с сочетанием двух типов рисков. Это риски, связанные с колебаниями цен на основные экспортные товары (которые в условиях постиндустриального развития крайне волатильны), и колебаниями на финансовых рынках. Велика вероятность сочетания этих рисков.

Сейчас у России нет проблем занять деньги. Проблема в том, чтобы не допустить слишком большого притока краткосрочного капитала. Как только цена на нефть окажется, скажем, 12 долларов США за баррель, финансовые рынки будут для России закрыты. И те финансовые институты, которые сегодня говорят: занимайте, сколько хотите, в этой ситуации скажут: приходите завтра. Это значит, что, вырабатывая собственную долгосрочную денежную и финансовую политику, разумно всегда быть крайне консервативными в оценке рисков. Не менее важно всегда сохранять

свободу рук в области курсовой политики, никогда не оказываться в положении страны, которая не имеет возможности адаптировать курс национальной валюты к радикально изменившимся реальностям, как это было в 1997–1998 годах.

Специфика структуры экспорта и импорта России, зависимость экспорта от цен на сырье, отсутствие тесной связи конъюнктуры российской экономики с конъюнктурой экономики любого из двух крупнейших экономических центров мира – США и Европейского Союза – исключают жесткую привязку рубля к доллару или евро. По этой причине добиться, чтобы рубль был «отвязан» от доллара – важнейшая стратегическая задача. То, что в плане решения этой задачи делает Центральный банк, правильно, хотя в проведении такой линии необходима осторожность. Если невозможно привязать рубль ни к евро, ни к доллару, значит, есть лишь одна осмысленная долгосрочная линия – проведение политики плавающего курса вместо сегодняшней политики «грязного» плавающего курса, постепенное превращение рубля в стабильную, устойчивую мировую валюту второго класса, такую, какой сегодня является фунт стерлингов. Эта задача амбициозна. Но вспомним о том, что и в 50-х годах в Германии задача сделать немецкую марку устойчивой валютой второго плана после двух денежных катастроф на протяжении предшествующего полувека казалась трудноразрешимой.

Тупики промышленной политики

Сейчас промышленная политика вновь активно обсуждается, рассматривается в качестве одного из возможных направлений «прорыва». Часто говорят о том, что многие страны не без успеха

использовали инструменты промышленной политики. Это правда. Другое дело, что на стадии постиндустриального развития роль промышленной политики радикально меняется. Когда государство проводит промышленную политику на стадии ранней индустриализации – это одно. Там логика такова: правительству известно, что в Англии есть металлургические заводы. Значит, нам нужны такие же. Понятно, что надо сделать. Дать государственный кредит, предоставить гарантию, таможенную защиту. На этой основе можно формировать сходную промышленную структуру. Но на стадии постиндустриального общества, а именно этот этап нам предстоит проходить, ситуация меняется. Выясняется, что в отраслях-лидерах промышленной политике принадлежит роль далеко не первостепенная. Здесь изменения происходят слишком быстро, для сохранения конкурентоспособности очень важно сохранение интеграции в глобальный мир. Именно в передовых высокотехнологичных отраслях на протяжении последних 50 лет снимались барьеры, здесь низкие тарифы, редко применяются антидемпинговые расследования, доминируют открытые рынки.

Промышленная и вообще отраслевая политика сдвигается в область заходящих отраслей, тех, в которых наиболее развитые страны неконкурентоспособны. Более бедные страны могут производить ту же продукцию дешевле, чем страны-лидеры. Никакого отношения политика поддержки американской металлургии или европейского сельского хозяйства к развитию не имеет. Это защита частных интересов, частных прибылей, интересов занятых в этих отраслях, это политика обороны, а не политика прорыва. Никакого рывка ни от американской металлургии, ни от европейского сельского хозяйства никто не ожидает. Стоит вспомнить и о том, что промышленная политика – это в первую

очередь политический процесс. Ее курс не выбирают технократы – такое было возможно при авторитарных режимах. При демократии – почти никогда. Здесь присутствует мой старший друг, уважаемый мной человек – Евгений Григорьевич Ясин. Я помню, когда его назначали министром экономики, ему был задан вопрос: «Какую промышленную политику вы будете проводить?» Он лучше относился к промышленной политике, чем я, и сказал, что будет поддерживать биотехнологии и авионику. На деле ему пришлось, как и всем министрам экономики за последние 10 лет, поддерживать сельское хозяйство и угольную отрасль. Так устроен политический процесс в России.

Ко всем представителям партии власти, которые предлагают проводить в России промышленную политику, у меня одна просьба: перечитать федеральную инвестиционную программу, посмотреть, что это такое, и добиться того, чтобы при обсуждении очередного годового бюджета она не оказалась опять сотканной из лоббистских запросов. И лишь после этого продолжить обсуждать вопрос о целесообразности проведения активной промышленной политики в России.

Важный вывод, который можно сделать, анализируя постиндустриальное развитие, – глубокие институциональные преобразования даются трудно. Постиндустриальные страны продолжают быстро развиваться, в них происходят радикальные структурные изменения. В то же время выясняется, что в условиях зрелых, стабильных демократий с низкой политической активностью населения, с ограниченными политическими интересами возможности проводить масштабные реформы ограничены. Существуют важные направления, продвижение по которым заблокировано группами интересов. Именно такие группы

политически активны. У них есть стимул организовываться. Известно, что реформа образования в США буксует, потому что важнейшая задача американских профсоюзов учителей (Национальная ассоциация образования, Американская федерация учителей) – одной из сильнейших лоббистских групп в Америке – ее остановить. То же происходит с реформой аграрной политики в странах ЕЭС. Политика эта сдерживает мировое развитие, создает тяжелые проблемы для развивающихся стран. Все попытки что-либо изменить блокируются аграрным лобби.

Сегодня российское общество сталкивается с тяжелыми проблемами, связанными с тем, что у нас молодая демократия. Демократия, не опирающаяся на традиции, – нестабильна. В ней заложена серьезная угроза эволюции в сторону авторитарного режима или «закрытой демократии». Но одновременно молодая демократия – это период значительной свободы маневра, состояние, когда можно сделать многое из того, что будет исключено через 20 лет. То, как политическая элита распорядится этим окном возможностей в ближайшие 10 лет, будет определять траекторию развития России на предстоящие полвека.

Правительство реформ 1992 года неоднократно критиковали за то, что мы не понимали значения институционального строительства. Это неточно. Когда в стране нет центрального банка, нет казначейства, нет нормальной налоговой службы, таможни, у правительства нет другого выхода, кроме как их создавать. Это и есть создание институтов. Другое дело, что этих институтов не было 70 лет. В такой ситуации выдумать их невозможно. Приходится ориентироваться на использование лучшего опыта, который есть в мире. Приходится изучать налоговую систему в Германии и во Франции и создавать у себя примерно такую же. Однако вскоре

выяснилось: то, что работает в одних условиях удовлетворительно, может не работать в условиях России. Французы, налоговая система которых близка к нашей, могут себе позволить иметь структуру с высокими предельными налоговыми ставками, сложную, с массой лазеек. Но она работает, потому что основана на длительном опыте, традициях, функционирующем государстве. Пытаясь же построить похожую систему в России, можно получить массовое уклонение от налогов и коррупцию.

Лишь постепенно, с накоплением опыта функционирования национальных рыночных институтов, начинают вырабатываться решения, годные для исполнения не где-то, а в России. Это то, что на уровне разработок стало делаться в 1996–1997 годах, а практическую реализацию обрело в ходе реформ 2000–2002 годов. Не во всем, конечно, но во многом. Особенно в налоговой области.

Наша задача на ближайшие перспективы – не искать лучший мировой опыт и пытаться сконструировать из него идеальные устройства для развития России в постиндустриальную эпоху. Задача – четко знать наши реалии, понимать, что у нас будет, а что не будет работать, отслеживать проблемы, стоящие перед страной, и решать их не в последний момент, а заблаговременно.

Колебания роста в краткосрочной перспективе для России имеют ограниченное значение. Подстегнуть на два года развитие экономики – задача простейшая. Можно взять кредит на 20 миллиардов долларов США у Центрального банка, загрузить оборонные заводы со свободными мощностями, начать переброску сибирских рек в Среднюю Азию, и на два года темпы роста резко вырастут. Другое дело, что после этого страна столкнется с экономической катастрофой. Но это случится потом, после выборов.

То, что нам нужно, – это не бегать ни с кем наперегонки, а научиться устойчиво развиваться в условиях меняющегося постиндустриального мира, не ввязываясь в войны, избегая внутренних смут. Научиться извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Избавиться от стиля, характерного для нашей страны с начала XVIII века, когда за рывком следует застой и кризис. Научиться развиваться, используя не столько инструменты государственного принуждения, сколько частные стимулы и инициативу. Сделать это гораздо труднее, чем на короткий срок подстегнуть темпы экономического роста. Для этого нужна тяжелая, последовательная и не приносящая немедленных политических дивидендов работа. Но именно такая политика является ответственной.